

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Подвойского Дениса Глебовича на тему «Субъект, структура и отчуждение: к генеалогии и феноменологии прочности социальных конструкций», представленную к защите на соискание ученой степени доктора философских наук по научной специальности 5.7.7. Социальная и политическая философия (по философским наукам)

Заявленная в диссертации Д.Г. Подвойского тема представляет собой актуальное и философски насыщенное направление междисциплинарного анализа социальных явлений, находящееся на пересечении феноменологии, критической теории, социальной онтологии, социальной эпистемологии и генеалогического подхода. В условиях углубляющихся процессов социальной фрагментации, институционального кризиса и переопределения коллективных идентичностей особую значимость имеет философское осмысление того, каким образом социальные конструкции приобретают устойчивость, переживают исторические трансформации и продолжают оказывать принудительное воздействие на субъектов. В этом контексте исследование прочности социальных конструкций через призму отчуждения, социальной структуры и субъективного участия является не только теоретически значимым, но и социально востребованным.

Современные гуманитарные и социальные науки, несмотря на богатую традицию критики эссенциалистских объяснений социальной реальности, сталкиваются с трудностями в объяснении того, как «сконструированное» может оказывать «реальное» действие. С одной стороны, критика естественных оснований социальной реальности обнажает историческую и нормативную обусловленность институтов, с другой – возникает необходимость объяснить их несомненную объективность и устойчивость. Диссертация отвечает на этот вызов, предлагая рассмотреть прочность социальных конструкций не как онтологическое данное, а как результат взаимодействия исторических процессов (генеалогия), переживаемых социальных связей и отношений (феноменология) и механизмов отчуждения,

производящих субъектов, способных к воссозданию или разрушению социальных структур.

Лейтмотивом диссертации становится тезис о том, что социальные конструкции реальны по своим последствиям (диссертант ссылается на так называемую «теорему Томаса»: «если люди определяют ситуации как реальные, они реальны по своим последствиям»). При всей эвристичности, данный тезис оставляет открытым ряд ключевых философских и методологических вопросов, которые и становятся предметом критического осмысления в диссертации. Прежде всего, возникает вопрос: каким образом социальные конструкции, будучи зависимыми от интерсубъективных смыслов, обретают устойчивость, позволяющую им действовать, как если бы они были онтологически необходимыми? То есть, если реальность последствий вытекает из субъективного определения ситуации, то каким образом эти определения институционализируются, стабилизируются и становятся транслируемыми вне рамок отдельного акта восприятия?

Проблематизация тезиса Томаса также требует прояснения природы субъектов, определяющих ситуацию как реальную. Кто и в каких властных, исторических и структурных условиях наделяется способностью «определять»? Здесь диссертант справедливо настаивает на необходимости перехода от индивидуально-психологической или поведенческой трактовки тезиса Томаса к анализу условий воспроизводства определённого типа субъективности, способной воспринимать и признавать социальную конструкцию как реальную. Именно в этом контексте в работе вводятся понятия структуры, отчуждения и реификации как необходимых аналитических категорий для описания того, каким образом субъективность формируется внутри уже заданных, но не прозрачных социальных матриц.

Непосредственным предметом анализа в диссертации становятся формы устойчивости социальных конструкций, возникающие в процессе взаимодействия между структурными условиями, практиками отчуждения и процессами субъективации. Д.Г. Подвойский показывает, что «прочность»

социальных форм — это не просто длительность их существования, но способность производить и поддерживать типы субъектов, которые не только подчиняются данным формам, но и участвуют в их воспроизводстве. В этом смысле структура не навязана извне, а воплощается в самой способности субъектов действовать, воспринимать и интерпретировать социальную реальность определённым образом. Диссертация предлагает продуктивный способ осмысления того, каким образом эти коллективные субъекты формируют и поддерживают правила социальной игры: как устанавливаются границы допустимого, каким образом определяется валидность тех или иных позиций в социальной структуре, кто получает доступ к говорению от имени «общего». Это проблемное поле, составляющее теоретическое ядро работы, имеет явную и сознательно осуществляемую диссертантом переключку с генеалогическими исследованиями власти, критической теорией и феноменологическими описаниями мира как intersubjectивной структуры (в духе А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана). Диссертант стремится соединить эти подходы, показывая, что стабильность социального мира — результат не только исторических и политических форм институционального закрепления, но и повторяемых, хотя и не всегда осознаваемых телесных, аффективных и коммуникативных актов, в которых воспроизводятся правила социального порядка.

На протяжении всех трех глав диссертации перед нами разворачивается нечто вроде энциклопедии конструктивизма, собранной с философской проницательностью, интерпретативной изощренностью и методологической широтой. Это не только диссертация, это попытка составить полный каталог форм, механизмов, противоречий и следствий социального конструирования реальности. Вместе с тем работа отнюдь не сводится к справочному изложению материала. Диссертация представляет собой метатеоретическую реконструкцию конструктивизма в философии и социальных науках, дополненную богатейшим авторским анализом его эмпирических проявлений. В работе прослеживается переход от внешней, рефлексивной метапозиции к

внутренней позиции вовлеченного исследователя и обратно. С одной стороны, конструктивизм рассматривается и анализируется как способ осмысления социальной реальности и знания. С другой стороны, конструктивизм избирается как общая концептуальная рамка и инструмент анализа, при посредстве которых осуществляется интеллектуальный пересмотр ключевых тем гуманитарного и социального знания: от метафизики сознания до повседневных и научных практик. Надо отдать должное диссертанту, этот переход совершается мастерски. Д.Г. Подвойский свободно действует в двух аналитических регистрах, благодаря чему конструктивизм предстает не как догматическая установка, а как продуктивное эвристическое средство, способное пролить новый свет на, казалось бы, хорошо изученные феномены.

Первая глава представляет собой философско-методологическое основание всей диссертации. Её название – «Миры на ладони субъекта: как создаются социальные конструкции?» – уже задаёт не просто аналитический, но и эвристически ёмкий ракурс исследования. Автор ставит задачу выявить генезис и логику формирования социальных конструкций, начиная с их философского осмысления и заканчивая конкретными механизмами воспроизводства в повседневной жизни. Важно, что Д.Г. Подвойский выходит за рамки устоявшихся интерпретаций социального конструктивизма и демонстрирует его сопряженность с постмодернистскими, феноменологическими и даже психоаналитическими подходами. Удачна метафора «Матрицы», через которую автор передаёт идею тотальности социальной конструкции — мира, в который мы погружены, не всегда осознавая его искусственность. В третьем параграфе, наиболее философски насыщенном Д.Г. Подвойский рассматривает сознание как центральный медиатор между опытом и объективированной реальностью. Он развивает идею, согласно которой сознание не просто отражает мир, но активно участвует в его конструировании. При этом автор дистанцируется от солипсизма и показывает, как intersubjectивность становится механизмом стабилизации социального порядка. Завершает главу анализ повседневности

как первичной матрицы социального конструирования реальности. Опираясь на классиков феноменологии, Д.Г. Подвойский демонстрирует, как обыденное сознание строит мир как самоочевидный и достоверный, тем самым обеспечивая устойчивость институтов и норм.

Вторая глава диссертации посвящена одному из самых сложных и философски углубленных аспектов исследования — анализу феномена отчуждения, возникающего как результат социального конструирования реальности. Здесь Подвойский демонстрирует не только теоретическую глубину, но и способность интегрировать разнородные подходы — от классической критической теории до современных социалконструктивистских теорий. Основная идея главы состоит в том, что социальные конструкции, созданные людьми для организации жизни, могут приобретать автономию, превращаясь в формы принудительного воздействия на субъектов. Отчуждение, таким образом, не является случайным или болезненным отклонением, а закономерным следствием процессов институционализации и структурирования социальной реальности. Мне показался наиболее интересным четвертый параграф данной главы, посвященный знаковым системам и их автономизации. В социалконструктивистской парадигме знакам и символам, как правило, уделяется меньше внимания, чем социальным институтам и структурам. Д.Г. Подвойский заполняет этот пробел, развивая идею символического фетишизма как одного из проявлений отчуждения. Опираясь на классиков социологии и актуальные конструктивистские теории, Д.Г. Подвойский убедительно показывает, что символическое отчуждение может быть даже более эффективным механизмом принуждения и контроля, чем экономическое или политическое, поскольку оно действует через язык, представления, самоидентификацию.

Третья глава представляет собой завершающий этап работы, где автор переходит от метатеоретических размышлений и философских реконструкций ко всё более эмпирически насыщенному анализу. Если первые две главы были

сосредоточены на понимании природы социальных конструкций и механизмов отчуждения, то в третьей Д.Г. Подвойский основное внимание уделяет тому, как эти конструкции воплощаются в конкретных институциональных, культурных и повседневных практиках. Теоретическим ориентиром в данном параграфе диссертант справедливо избирает концепцию инструментальной рациональности, которая позволяет проблематизировать траектории Просвещения. С опорой на идеи М. Вебера, З. Баумана, представителей Франкфуртской школы Подвойский показывает, как рационализация, изначально направленная на освобождение человека от слепых сил природы и традиции, может превратиться в механизм принудительной организации жизни, где средство становится самоцелью, а логика эффективности подавляет ценность человеческого достоинства и свободы: «Технологическое господство над природой и технологическое господство над людьми – это разновидности одного и того же отношения» (С. 268-269). Д.Г. Подвойский убедительно иллюстрирует этот тезис на примерах различных повседневных и профессиональных практик, включающих денежные отношения, технологии, медицину, образование. Не могу не отметить заключительный (шестой) параграф данной главы, посвященный университетской и академической бюрократии. Публицистически заостренный и вместе с тем философски содержательный текст весьма остроумно раскрывает то, как инструментальная рациональность подавляет содержательную сторону научной и педагогической деятельности. Мне думается, что многие наши коллеги преподаватели и исследователи согласятся с выводами диссертанта относительно наблюдаемого сегодня систематического «выхолащивания самой сути научного труда» (С. 397), когда научная работа, прежде всего, публикационная деятельность «повсеместно предстает в суррогатных, профанированных формах, ставится на поток» (Там же).

Одним из наиболее продуктивных ходов диссертации следует считать объяснение социальных форм принуждения через сочетания трех процессов:

1) историко-генеалогических закреплений (институционализация), 2) механизмов отчуждения (автономизация созданного), 3) процессов субъективации (воспроизводство норм через субъектов). Здесь заметно влияние постмодернистских социологов и критической теории, однако подход диссертанта отличается тем, что он стремится концептуально объединить макро- и микроперспективу. Д.Г. Подвойский показывает, как исторически сложившиеся конструкции (например, гендер, власть, рынок) укореняются в повторяющихся действиях, телесных схемах и языковых формах. Этот аргумент особенно важен для философии технонауки и социологии знания, поскольку позволяет избежать как натуралистического редукционизма, так и релятивистской произвольности. Такое теоретическое решение выражает стремление к методологической целостности: вместо простого накопления объяснительных уровней Д.Г. Подвойский выстраивает динамическую схему, в которой институциональные структуры, социальные нормы и субъективный опыт взаимно производят друг друга. Благодаря этому снимается традиционное противопоставление между структуралистским пониманием власти как внешней по отношению к субъекту принудительной силы и феноменологическим акцентом на переживаемом опыте. Вместо этого субъект оказывается включённым в сам процесс формирования социальных норм, выступая одновременно их продуктом и носителем.

Следует признать убедительным аргумент диссертанта относительно отчуждения. Диссертанту удалось продемонстрировать, что отчуждение – это не случайный изъян социального порядка, а его структурное условие: создавая конструкции, люди теряют над ними контроль, и эти конструкции начинают действовать на субъектов как внешние и принудительные. В этом пункте особенно ярко проявляется диалог диссертанта с традицией критической теории. Отчуждение, понимаемое не как моральная аномалия, а как способ функционирования социальной структуры, сближает конструктивизм Д.Г. Подвойского с критическим реализмом: социальные факты становятся

«вещами» не в силу своего естественного существования, а благодаря комплексному механизму реификации.

Несомненным достоинством диссертации является использование конструктивизма как философского инструмента, незаменимого для понимания таких процессов, как рационализация, бюрократизация, цифровая медиатизация. Это придаёт всей работе характер философской интервенции: конструктивизм становится критической практикой, направленной на дестабилизацию очевидностей и выявление механизмов нормативной власти, скрытых за фасадом «естественного порядка». Этот подход особенно важен в условиях современности, когда социальные структуры всё чаще маскируют своё историческое и культурное происхождение, представляя себя как универсальные, неизменные и естественные формы организации жизни. Конструктивистская перспектива позволяет осуществить критику этого процесса, показывая, что даже самые устойчивые институты, нормы и практики – результат действий исторического коллективного субъекта, а не выражение заранее данной естественной необходимости. Такой анализ актуален не только в теоретическом, но и в политическом и этическом плане: если социальный мир сконструирован, значит, он потенциально изменяем. Обращение к конструктивизму в его мультидисциплинарном варианте – от феноменологии до социального конструктивизма и социальной эпистемологии – позволяет автору охватить широкий спектр явлений, не теряя аналитической глубины. Данный подход делает диссертацию настоящим интеллектуальным экспериментом, который бросает вызов упрощённым представлениям о реальности, знании и власти.

Соглашаясь с основными тезисами и аргументами Д.Г. Подвойского, выскажу, тем не менее, ряд критических соображений, пожеланий и вопросов, возникших у меня по ходу чтения работы.

1. Несмотря на глубокую разработку конструктивистской перспективы, в работе остается недостаточно прояснённым сам онтологический статус понятия «социальная конструкция». В одних фрагментах оно трактуется как продукт когнитивных и языковых схем, в других – как исторически закреплённая институциональная форма, в третьих – как нечто близкое к символической власти или структурной принудительности. Такая многозначность не всегда концептуализируется, и в результате понятие «конструкции» начинает работать как теоретическая аксиома, но не как

аналитическая проблема. Это снижает критический потенциал заявленной программы.

2. В работе много внимания уделено объяснению устойчивости и воспроизводства социальных конструкций, однако тема их возможного разрушения, переопределения или саботажа оказывается недостаточно прояснённой (что признает и сам диссертант). Как возникают «трещины» в структуре? Как действуют агенты изменения, не просто встроенные в нормы, но стремящиеся к их пересмотру? Эти вопросы, столь важные для критической теории, скорее обозначаются, чем разрабатываются. Без них картина социального мира рискует приобрести черты избыточного структурного детерминизма.

3. Стремление Д.Г. Подвойского соединить микро- и макроперспективу — субъективный опыт и структурное воспроизводство — безусловно обогащает анализ. Однако здесь возникает риск диффузности причинности: когда всё влияет на всё, исчезает возможность аналитической работы с факторами. Механизмы институционализации, отчуждения и субъективации даны как взаимосвязанные. Без должного прояснения внутренней иерархии между ними их взаимодействие рискует оказаться описательным, а не объяснительным. Возникает вопрос: каким образом следует понимать взаимодействие между структурами и субъектами — как взаимное сосуществование, как иерархию с приоритетом структурных условий или как последовательность этапов?

4. Не могу не упрекнуть диссертанта в излишнем на мой взгляд количестве длинных цитат, которые временами перегружают основное изложение и замедляют темп аргументации. В ряде случаев пространные фрагменты из трудов классиков философии и социологии занимают значительную часть параграфа, не сопровождаясь достаточно развернутым аналитическим комментарием или концептуальной переработкой. Это создает впечатление, что цитата замещает анализ, а не служит его отправной точкой. Особенно это заметно в тех разделах, где автор мог бы кратко резюмировать позиции источников, сосредоточившись на собственных выводах и интерпретациях. Такое цитатное изобилие, при всей уважительности к философским традициям, иногда ослабляет авторскую позицию, делая аргументацию менее контрастной и аналитически выверенной. Более строгое редактирование и сокращение второстепенных цитируемых фрагментов,

возможно, позволило бы работе выиграть в концептуальной чёткости и композиционной плотности.

5. Желательно было бы уделить больше внимания прагматистской линии конструктивизма, важной для установления связей между социальным конструированием и практической деятельностью агентов. Особенно актуальным было бы обращение к философии Иэна Хакинга, предложившего реалистическую интерпретацию социальных конструкторов на основе эпистемологии действия. Прагматистски ориентированный реализм Хакинга позволяет мыслить социальные категории как одновременно сконструированные и устойчиво действующие в мире, что могло бы усилить аргументацию диссертанта в пользу примирения оппозиций типа «реализм – конструктивизм».

6. В диссертации концепт инструментальной рациональности используется в классическом, веберовском смысле — как противопоставление ценностно-смысловому началу, которое уничтожается в процессе «расколдовывания мира». Однако диссертанту следовало бы уделить больше внимания тем критическим переосмыслениям этого понятия, которые получили развитие в современном дискурсе. Сегодня всё чаще говорят об «обратном околдовывании мира», подчеркивая, что инструментальная рациональность не существует в изоляции от ценностных и социально-символических структур. В этом контексте дихотомия между инструментальной и содержательной (ценностной) рациональностью уже не представляется столь жесткой и однозначной, как в ранних социологических теориях.

Хочу подчеркнуть, что замечания, вопросы и пожелания, высказанные в адрес работы, никоим образом не уменьшают её ценность и не влияют на положительную оценку работы в целом. Диссертация производит очень благоприятное впечатление. Это основательный научный труд, в котором представлен глубокий теоретический анализ механизмов создания и воспроизводства социальной реальности. Работа является хорошим примером того, что философское исследование может быть социологически продуктивным, а социологическое – философски осмысленным. Автор демонстрирует творческую самостоятельность мышления, предлагает оригинальные интерпретации классических философских и социологических проблем, убедительно обосновывает свои положения. Работа отличается не

только концептуальной продуманностью, но и блестящим научным стилем изложения: язык диссертации ясен, точен и выразителен, что особенно важно при изложении столь сложных теоретических вопросов. Следует отметить впечатляющую эрудицию автора, свободно владеющего широким спектром источников и подходов – от классических до новейших – в области социальной философии, социологии, истории философии и смежных дисциплин. Диссертация обладает безусловной академической ценностью и представляет собой важный вклад в осмысление ключевых процессов, определяющих устройство и динамику современного общества. Нельзя не приветствовать изданную в этом году по результатам диссертационного исследования монографию, которая, несомненно, станет предметом значительного интереса не только академических философов и социологов, но и широкой исследовательской аудитории, интересующейся проблемами устройства современного общества, трансформациями социальных институтов и эпистемологических оснований общественных наук.

Результаты диссертационного исследования отличаются оригинальностью и достоверностью, обладают несомненной научной значимостью. Результаты были апробированы на многочисленных всероссийских и международных научных конференциях, конгрессах, симпозиумах и круглых столах. Положения, выносимые диссертантом на защиту, отвечают необходимым требованиям научной новизны и достоверности. Избранная диссертантом методология адекватна объекту и предмету исследования, поставленным целям и задачам. Цели и задачи, поставленные в диссертации, полностью достигнуты. Содержание автореферата соответствует содержанию диссертации. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.7.7. Социальная и политическая философия (по философским наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5, 3.1 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Диссертация оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Подвойский Денис Глебович заслуживает присуждения ученой степени доктора философских наук по научной специальности 5.7.7. Социальная и политическая философия (по философским наукам).

Официальный оппонент:

доктор философских наук, доцент,
ведущий научный сотрудник сектора социальной эпистемологии
отдела онтологии, теории познания и логики Федерального государственного
бюджетного учреждения науки Института философии Российской академии
наук

СТОЛЯРОВА Ольга Евгеньевна

« 2 » сентября 2025 г.

Контактные данные:

тел.: +7(495) 697-95-76, e-mail: iph@iphras.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

5.7.1. Онтология и теория познания

Адрес места работы:

109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской
академии наук, отдел онтологии, теории познания и логики, сектор социальной эпистемологии

тел.: +7(495) 697-96-65, e-mail: iph@iphras.ru

Подпись О.Е. Столяровой удостоверяю:

Зав. Отделом кадров
Института философии РАН
Н. В. Коваленко

подпись

« 2 » сентября 2025 г.